

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. Н. Яницкий

Гражданское общество и академическое сообщество

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/YanitskyGrazhdan.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Яницкий О.Н., Институт социологии РАН

Постановка вопроса

Цель данной статьи – рассмотреть сходства и различия в динамике российских академического сообщества и гражданского общества (ГО), имея в виду прежде всего его общественные и некоммерческие организации (НКО). То есть эти институты рассматриваются здесь в рамках социологии, точнее ее деятельностно-активистской парадигмы, и исторической науки, а не легально-правовых. Исторический и социологический анализ свидетельствуют, что, несмотря на многовековую подчиненность российской науки государственным структурам, в то время как гражданское общество возникало в борьбе с ними или глубоко в их порах, у академического сообщества и гражданского общества есть много общих черт, обусловленных их собственным характером, а также типом исторической динамики России, в основе которой лежит связка власти бюрократической и бизнес-элиты. Речь идет о феномене так называемой властесобственности (Васильев, Пивоваров), институте, который до последнего времени детерминировал структуру и функции академического сообщества и гражданского общества. В статье делается акцент на структурно-функциональных различиях государства и названных сообществ, различиях в характере всеобщего и совместного труда (К. Маркс) в них и на тех изменениях, которые претерпевают оба рассматриваемых сообщества и их взаимоотношения под воздействием современных информационных технологий и ожидаемого начала модернизации.

Ключевые слова: активизм, академическое сообщество, гражданское общество, государство, модернизация, сети, Россия

1. «Поворот ключа» или очередной «перedel»?

Судя по характеру дискуссии о предмете нашего интереса, а главное – по характеру дискурса в среде власть предержащих, переход от нашего индустриального общества к обществу знаний понимается именно как «поворот ключа», как переключение финансовых потоков. Это отчетливо видно по характеру дискурса, в котором преобладают вопросы перераспределения средств бюджета и частного капитала для создания сети «кремниевых долин», вопросы реорганизации вузов и академических учреждений, логистики, строительства, оснащения новейшим оборудованием, коммуникаций, инфраструктуры, набора и переобучения персонала и т.п. То есть, по преимуществу технико-технологические вопросы при сохранении и даже усилении «вертикали власти» как политической модели государства, собирающегося проводить модернизацию. Между тем, как отмечали российские социологи и политологи (М.Афанасьев, Л. Гудков, И.Клямкин, Г.Сатаров, О.Крыштановская и многие другие), при этой вертикали и ее реальном качестве реальная модернизация

невозможна. Образ мышления властвующей элиты России по-прежнему не инновационный, а консервативный, охранительный.

Между тем переход от индустриального к информационному обществу – это прежде всего вопрос *мировоззрения*, изменения менталитета, о котором сегодня столько говорят. Это проблема изменения доминирующего взгляда на мир (*dominant worldview*), осознание того, что творческая мысль, знание сильнее любого ОМОНа или «ограниченного воинского контингента». Людям, прошедшим суровую школу первоначального накопления капитала в России, очень трудно поверить в то, что два мозговитых парня в гараже потенциально сильнее любого денежного мешка или армейского подразделения. Что свободное творчество сильнее принудительного труда, что самоорганизация экономически и социально эффективнее суммы даже самых лучших директив. Поэтому ключ следует прежде всего «поворачивать» в мозгах, а не в комитетах по бюджету и других распределительных механизмах. Ю. Пивоваров вслед за Р. Пайпсом утверждал, что по своей природе российское общество было «перманентно-передельным». По этой логике, территория была первичной ячейкой русской власти. Ресурсовластная система породила волостной, то есть территориальный, тип русского социального сознания (Пивоваров, 2006, с. 56, 62 и след.). Наши современная экономика и социальная сфера имеют «раздаточный» характер (Бессонова, 2006) и превратить ее в самоорганизующуюся да еще под контролем гражданского общества, то есть сломать эту веками сложившуюся передельно-раздаточную структуру, опирающуюся на прикрепленную к земле собственность, – задача чрезвычайно сложная.

Ведь общество, основанное на знаниях (*knowledge society*) построено по экстерриториальному принципу. В его основе – «пульсирующая» сеть самоорганизующихся ячеек. Естественно, глупо было бы отрицать значимость всей «тяжелой» инфраструктуры общества (заводы, фабрики, города, дороги, трубопроводы). Тем не менее никакое общество знаний нельзя создать в России, не изменив принципов организации самой общественной системы, не переведя ее из «территориального» состояния в «сетевое». Что потянет за собою целый ряд мер, и прежде всего резкое сокращение разрыва в уровне и качестве жизни между бедными и богатыми. Про уровень имущественное неравенство у нас пишется много, а вот про качество жизни гораздо меньше. Я не имею здесь в виду резкое уменьшение неравенства в доступе к образованию или здравоохранению, они бесспорно важны. Я имею в виду, следуя логике З. Баумана и других (Бауман, 2004), преодоление разделения людей, на живущих *во времени*, то есть свободно перемещающихся по миру и также свободно общающихся со всеми, и на живущих *в пространстве*, то есть привязанных к определенному месту работы и жительства и, соответственно, с ограниченным кругозором и кругом общения. Поэтому модернизация – не «передел» и не «переключение», это – глубокая структурная реформа.

Отмечу четкую историческую тенденцию: как только власть ослабевала, гражданское общество старалось сохраниться и выжить посредством

организации в небольшие сообщества, причем совсем не обязательно «традиционного» типа. Напротив, плодились и размножались прежде всего ячейки воспроизводства и сохранения интеллектуального капитала. И государство при этом не страдало, однако снова войдя в силу, оно их находило и вновь старалось включить их в свои железные объятия. Поэтому можно утверждать, что тенденция к созданию малых самоорганизующихся групп и их объединению в сети есть механизм естественной регенерации и даже модернизации гражданского общества, а не чей-то заморский злой умысел, стремящийся разрушить государственную твердь. Жесткость государственного «скелета» и мягкость обнимаемого им клеточно-сетевому организма должны не противостоять, а помогать друг другу. Замечу в скобках, что в новейшей истории России ученые стали публичными лидерами с целью создания основ гражданского общества в России лишь на короткий период демократического подъема (1985-91 гг.), который во многом и был инициирован их же усилиями. Позже, часть вернулась к своим привычным занятиям, часть стала (не слишком успешными) профессиональными политиками федерального или регионального уровня и в первой половине 2000-х гг. была оттуда окончательно вытеснена.

Не менее важным является изменение менталитета всего общества, от потребительского, ориентированного на «случай», «удачу» и быстрый успех и богатство, на менталитет образованного и упорного труженика, самостоятельно программирующего свой труд и не ждущего наследства от богатого дяди. Без возвращения к этике упорного творческого труда (танцы на льду и им подобный «креатив» я исключаю). Надо решить, что есть символ движения общества вперед: «Сочи» или «кремниевая долина»? Не как лозунг дня, а как главное направление движения.

2. К определению гражданского общества

Гражданское общество в России XIX–XX веков – деятельностно-нравственная категория, определяющая круг людей и их сообществ, руководствующаяся ценностями общего блага и готовыми к их практической реализации собственным трудом. Социологическое определение ГО, делающее акцент на ценностях и активизме субъектов социального процесса, отличается от правового, определяющего принадлежность к нему в легальных терминах и обусловленных ими системе правовых норм и запретов.

История России свидетельствует, что даже в периоды тоталитарного правления существовали люди и группы, продолжавшие свою деятельность на общее благо (не обязательно на благо всего общества, но группы людей, местного или профессионального сообщества, национального меньшинства или малого народа). Периодическое подавление таких групп силовыми или моральными средствами снижало их активность, заставляло инкапсулироваться, эмигрировать, что наносило вред самой России. Тем не менее, они возрождались или возникали вновь, казалось бы на «пустом месте», но в действительности благодаря прошлому, нравственно ориентированному активизму их родителей, семьи, старших товарищей по академическому сообществу. Люди уходили, но

знание о прошлом не умирало, оно передавалось из поколения в поколение, через ту же деятельность, книги, дневники, мемуары, личные истории (oral histories). Зависимость от прошлого (path dependence) характерна для ГО в том понимании, как мы его определили.

Отсюда, социологически определенное ГО более узкое, чем если его определять в правовых терминах. Социологически определенное ГО может изменяться по форме и содержанию своей деятельности, собственно говоря, в этом его смысл и нравственная цель, тогда как задача второго – как можно более точное определение категории людей, которых следует относить к ГО, а также нормативная (законодательная) фиксация их прав, свобод и обязанностей. Иными словами, с моей точки зрения как социолога, в нынешних обстоятельствах ГО – *динамическая* категория, тогда как со второй – *статичная*. Статичная по своей природе фиксации правил и норм, закрепленных в Конституции и законах. С социологической точки зрения, ГО формируется сначала под воздействием изменившихся обстоятельств (сегодня их именуют «вызовами») – возникают неформальные группы и правила их деятельности, а уже потом в ходе длительной борьбы может происходить их частичная или полная фиксация в праве.

Уже оно и потому, что в исторически России существовал обширный класс (слой) «служилых людей», бывших частью государственной машины и подчинявшихся ее правилам. Сегодня к ним можно отнести и «сервис-класс», который также по существу состоит из служащих, но уже не только государству, но и частному бизнесу. В отличие от ГО, норма (*modus vivendi*) этих двух групп – беспрекословное подчинение правилам, установленным «наверху», и личное благополучие. Если эти люди и проявляют инициативу, то только дозволенную, в рамках корпоративных правил и законов.

Наконец, **уже** оно еще и по причине различия характера труда. Здесь различия чрезвычайно глубоки и разнообразны. Во-первых, члены ГО ставят и по мере своих сил реализуют цели достижения общего блага сами, тогда как для остальных цели вообще несущественны (они уже сформулированы «наверху»), – им ставятся только конкретные задачи. Во-вторых, ГО отличается самоорганизующимся или само-программируемым, по М. Кастельсу (Castells, 2000), трудом, способным к адаптации к новым вызовам, тогда как остальное общество более приспособлено «к» и ориентировано «на» простой, взаимозаменяемый труд. Рутинные элементы труда присутствуют там и здесь, но в первом случае они подчинены его самоорганизации, инициативе индивида, тогда как во втором всецело – правилам, наложенным на трудящегося свыше. В-третьих, если первый может быть квалифицирован как универсальный (всеобщий, по К. Марксу) труд, опирающийся в равной мере на научное знание и практики, созданные как трудом современников, так и предшествующих поколений, то второй – как «простой», детерминированный рамками разряда и конкретной задачи. То есть ключевыми моментами первого являются рефлексия и «поиск», тогда как второго именно служба как выполнение четко оговоренного круга обязанностей. Отсюда, в-четвертых, первый вознаграждается степенью

достигнутого результата (инициатива реализована, новый закон принят, риск, угрожавший данному локальному сообществу, ликвидирован и т.п.), тогда как второй – согласно табелю о рангах (повышением по службе, зарплаты, бонусов и т.п.). Наконец в-пятых, труд членов ГО, как правило, междисциплинарный, многопрофильный), поскольку они всегда вынуждены решать комплексные (средовые) задачи и включаться в разные группы общества (власть, бизнес, науку, образование и т.д.), тогда как труд остальных чаще всего монодисциплинарный и монотонный.

Откуда же берутся эти междисциплинарность и «многорукость»? Лидерам всех новых социальных движений приходится взаимодействовать с самыми разными субъектами: властными структурами всех видов и уровней, силовыми ведомствами, бизнесом большим и малым, СМИ и, наконец, с населением, его объединениями и сообществами. Без навыков общения в интернете здесь вообще нечего делать. К тому же, в последние 20 лет идет интенсивное взаимодействие с государственными органами и НПО самых разных уровней и стран: от международных до локальных. И еще, наверное самое важное: эти люди должны, с одной стороны, напиться научными знаниями, аккумулировать и осваивать самую разнообразную информацию, а с другой, уметь быть публичными политиками, разговаривать на языках обозначенных выше групп. Я уже писал, что сегодня вновь обозначилась исторически известная тенденция «хождения интеллигенции в народ» для оказания непосредственной помощи конкретным людям или для защиты природы (Яницкий, 2004). Напомню, что столь разнообразные контакты идут прежде всего не с союзниками ГО, а с его противниками, это контакты в ходе разрешения больших и малых конфликтов. Скажите, какая еще группа или слой общества имеют столь разнообразные контакты? Да, это создает у ее членов психологическое напряжение, потому что их ритм жизни уплотнен до предела, но это и источник интенсивного накопления социального капитала как отдельными индивидами, так и их инициативными группами и общественными организациями.

Отсюда и их специфический «индивидуализм». Я бы назвал его гражданским или индивидуализмом с сильным солидаристским обертоном. Они в равной мере умеют работать индивидуально и в команде. Причем «командой» может быть и группа, разрабатывающая некоторый проект, и сообщество глобального масштаба, объединенное интернет-сетями. Конечно, когда я говорю «сеть», я имею в виду «паутину возможностей» (И. Иллич) для свободного выбора канала общения и выбора партнера, а не сеть для манипуляции массовым сознанием и его индоктринации.

3. Роль государства в формировании гражданского общества

Оно возникает и развивается вследствие всегда существующего *конфликта* между интересами государства как легального института и массы низовых инициатив, или сопротивляющихся избыточному давлению первого, или стремящихся поставить или решить проблемы, которые государство не замечает или не хочет видеть. Так было и в период перестройки и начала реформ

(1987–93 гг.). Значительная честь академического сообщества (замечу, что в ней преобладали именно ученые, а не преподаватели) проделала огромную работу по формированию в России основ гражданского общества. Уже тогда вопрос: «Что нужно России – наука или министерство науки?» был одним из принципиальных (Захаров, 1991, 1995). То есть свободно развивающаяся мысль или прежде всего ее нормативно-организационные рамки? Площадка для дискуссий о путях развития России, как это было 25 лет назад, или же кормчий, указывающий путь развития науке и обществу?

Сегодня государственные СМИ информируют нас о 2-3 конфликтах (митингах, протестах), тогда как по стране их сотни, если не тысячи. Следовательно, это противоречие не только между *динамикой и статикой*, но и между *малым и большим*. Именно участвуя в больших и малых конфликтах (например, конфликт вокруг закрытия Байкальского ЦБК тянется вот уже 43 года!), их лидеры и участники постепенно становятся профессионально и разносторонне подготовленными и, объединяясь в сети, наращивают свой научный потенциал и социально-политический ресурс.

Еще одно отличие между государством и ГО – в их структурной организации. Государство по определению имеет вертикальную структуру действия (сверху–вниз), причем существенно, что в процессе этого движения «вниз» законы могут трансформироваться в сотни подзаконных актов, инструкций и другие нормативные документы, далеко не всегда отвечающие декларированным правам и свободам граждан. К тому же рядовой гражданин не может самостоятельно разобраться в их хитросплетении. Суды тянутся годами, адвокаты стоят дорого. Все это вызывает негативную реакцию или сопротивление снизу. ГО имеет по преимуществу горизонтальную организацию, оно объединяется сетями и стремится завоевать часть публичного пространства как площадку для дискуссий именно для налаживания взаимопонимания между рядовыми гражданами и/или их представителями с властными структурами с целью последующей легализацией своих инициатив.

Но это различие не только структурное, но и функциональное и даже ценностное. Власть предрешающие стремятся диктовать свою волю народу (в виде законов, подзаконных актов, инструкций, а также посредством настройки сознания людей на само-цензуру. Дискурс здесь инструктивно-нормативный, тогда как ГО (в нашем определении) нацелено на диалог, согласование интересов и в конечном счете на установление *доверия* между ним и остальными. Естественно, что дискурс здесь «размышляющий», вариативный. Отсюда и различие в предпочитаемых формах регулирования: в первом случае это «управление», во втором согласование с учетом взаимных интересов. Политически это различие между политикой и суб-политикой (У. Бек), последняя как раз осуществляется при помощи сетей. Конфликт «вертикального» и «горизонтального» способов регулирования общественной жизни (government vs governance) – фундаментальный для понимания специфики ГО в наших условиях (Кустарев, 2007).

Наконец, в России перманентное (то усиливающееся, то ослабляемое) давление государственной машины на ГО привело к тому, что оно все время находится в *мобилизационном* состоянии. Оно может быть разным по силе, но обозначенное выше давление, постоянный дефицит ресурсов, недоверие к нему власть предержащих и общественного мнения, отсутствие доступа к публичным площадкам, периодические обвинения со стороны силовых ведомств в незаконной деятельности, наконец, психологический дискомфорт, создаваемый ощущением своей работы на грани закона, – все это в совокупности создает мобилизационный настрой членов ГО.

А отсюда, естественно, вытекает множество его структурно-функциональных черт. Во-первых, давление внешней (экономической, политической и другой) среды вызывает ответную реакцию: консолидацию. Во-вторых, проблема вертикальной мобильности выглядит в совсем ином свете. В сложившихся условиях инноваторы не ориентированы на вертикальную мобильность. Их интерес (и вознаграждение в другом): в достижении тех изменений в обществе, на которые направлены их усилия. Напомню, у них иная шкала ценностей. Для достижения целей желаемых перемен есть два основных инструмента (революцию мы здесь не рассматриваем): завоевание публичной площадки для диалога в обществе и пропаганды своих идей и разработка альтернативных проектов – от локальных до проекта реформирования общества и государства. Я особо обращаю внимание на второй путь, поскольку он не только уже 20 лет реализуется в России на практике, но это фундаментальный путь модернизации, перехода от ее тяжелой к легкой фазе, именно через малые ячейки инноваций и связывающие их сети.

Вот как видит это Кастельс в терминах современного информационного общества: есть два пути социальных изменений. В условиях современного сетевого общества «социальные изменения происходят прежде всего двумя путями (через два механизма), оба внешних по отношению к доминирующей системе сетей. Первый – это отрицание самой сетевой логики путем утверждения таких ценностей, которые не могут работать ни в какой сетевой системе – им можно только следовать и повиноваться. Это то, что я называю культурными коммунами, не обязательно фундаменталистского характера, но которые всегда центрированы вокруг самодостаточных, замкнутых смыслов (meanings). Второй – это альтернативные сети, точнее сети, создаваемые вокруг альтернативных проектов, которые от проекта к проекту, от сети к сети создают мосты коммуникации к другим сетям общества, тем самым создавая оппозицию доминирующим сетям (экологизм, феминизм, движение за гражданские права суть примеры альтернативных сетей)» (Castells, 2000: 22-23).

Исторически сложилось так, что идеологом и лидером формирования гражданского общества в России была интеллигенция, образованные люди, стремившиеся к демократическому устройству. Но и сама русская наука, академическое сообщество сформировалось скорее вопреки, чем при поддержке государства. В.И. Вернадский еще сто лет назад писал: «Русская умственная культура в XIX и начале XX веков может считаться созданием *общественной*

самодеятельности. Государственная организация большею частью явилась враждебным ей элементом <...> Наиболее резко эти антикультурные тенденции сказались в ведомстве, прямой государственной функцией которого должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры, — в ведомстве Министерства народного просвещения» (Вернадский, 1995, с. 186). Сегодня они часто исходят из подобного ведомства: Министерства науки и образования.

И государство эксплуатировало и третировало так же, как и рабочих и крестьян. Тем не менее, академическое сообщество существовало и боролось за права гражданского общества.

4. Академическое сообщество: тенденции и проблемы

За прошедшие 25-30 лет произошли качественные изменения как в самом академическом сообществе, так и в его взаимоотношениях с быстро формирующимся гражданским обществом.

Как представляется, главной проблемой академического сообщества является *утрача им его идентичности*. При всех гонениях на него и изолированности от мирового академического сообщества, оно было специфической группой, производящей фундаментальное и прикладное знание. Оно выполняло важную в нашем обществе просветительскую, а следовательно, интегрирующую функцию. Знание было высшей ценностью, а это сообщество было его носителем и распространителем. Изолированность лишь способствовала его консолидации. Наконец, целая группа точных и естественных наук работала на обеспечение общества жизненно важными ресурсами и его безопасности. Иными словами, академическое сообщество, не будучи фактически политической организацией, выполняло чрезвычайно существенные для страны политические функции.

Сегодня, во-первых, это сообщество раскололось на сторонников и противников той модели реформ, которая осуществлялась последние 20 лет. Если первое сильно расширилось, то второе сильно сжалось и по существу поставлено в условия выживания. Во-вторых, публичность стала ключевым моментом воздействия на общество, куда ученым доступ практически закрыт. В-третьих, власть сформировала свое, политически ангажированное сообщество экспертов, никак не зависящее от названных двух крыльев академического сообщества вообще. Говорящий с телеэкрана эксперт стал ключевой фигурой. Государство изменило свое отношение к Академии наук, отдавая все больше внимания и ресурсов университетам. Лишь немногие представители академического сектора в современных условиях посвящают себя «чистой науке». Им приходится одновременно заниматься администрированием, бизнесом и педагогической деятельностью.

Но, пожалуй, самое главное, что началась жестокая конкуренция между академическим сообществом и ГО за престиж и доступ к ресурсам, причем борьба на два фронта: с ангажированными властью экспертами и с независимыми экспертами, защищающим интересы ГО и его организаций.

Но и это еще не все. Избыток дутых денег привел не только в финансовому кризису, но и к изменению самого «поля действия» научного знания. Не государственная экспертиза и не экспертные советы, столь распространенные во времена СССР, а СМИ стали главным полем политики. Политическая борьба идет не вокруг разных концепций общественного устройства, а детерминируется сиюминутными интересами «денежных мешков», которые оперируют все более простыми фигурами речи (слоганами). Так или иначе, политическая борьба становится не борьбой знаний, а борьбой денег, соревнованием финансовых потоков. Самым эффективным средством такой борьбы является не научно или экономически обоснованный довод (концепция), а близость к вершине властной пирамиды или компромат с целью политического и/или репутационного «убийства» конкурента. Политические скандалы становятся центром такой борьбы. Академическому сообществу, равно как и лидерам ГО, трудно к этому приспособиться.

Но есть и совсем другая сторона в этом вопросе. Что такое общественное благо *сегодня*? Кому оно принадлежит? На чье благо будут трудиться ученые и гражданские активисты, если население страны неумолимо сокращается, а оставшаяся часть беднеет и становится все менее здоровой? Если в стране будет все больше гастарбайтеров, обеспечивающих благо своих стран? По моим подсчетам в 2002 г. четверть населения страны была подвержена тем или иным рискам для здоровья и самой жизни (Яницкий, 2003). Если общественное благо – это благо богатого меньшинства, и как бы академическое сообщество и активисты ГО ни старались, доля бедного большинства уже заранее определена «наверху», то идеология подвижничества ученых и гражданских активистов в существующей ее форме теряет смысл. А с ней и мотивация научного поиска и гражданского активизма (кроме мотива «деньги, деньги и еще раз деньги»). Другая сторона той же проблемы: как в условиях глобализации понимать «благо страны» и даже благо отдельного народа, человеческого сообщества? Решая общечеловеческие задачи и связанные посредством сетей территориальные или виртуальные сообщества наука универсализируется так же, как и гражданское общество.

5. В преддверии модернизации

Модернизация никогда не бывает «сплошной», так или иначе всегда существовали ее анклавов, «острова», малые группы и даже отдельные личности, действовавшие как ее локомотивы. Это утверждение, как показывает история, справедливо как по отношению к научно-техническому прогрессу, так и социальной и политическим переменам. Сегодня российская власть, создавая «силиконовые долины», скорее всего будет стремиться оградить их от влияния демократических и иных общественно-политических дискуссий и социальных движений. Но, опять же, как показывает российская история, в том числе новая и новейшая, и в «шарашках», и в закрытых городах СССР всегда возникали очаги дискуссий по ключевым проблемам общественного развития.

О том же свидетельствует и история российского академического сообщества второй половины XIX—начала XX веков, где развитие новых научных идей и направлений и гражданская активность ученых и профессуры шли рука об руку. Предполагаю, что так будет и в ближайшем будущем, поскольку, с одной стороны, форсированная модернизация потребует создания международных исследовательских коллективов с участием молодых ученых из развивающихся стран (в США в таких коллективах ученых и этих стран больше, чем своих, «местных»), а с другой, молодые интеллектуалы из российской глубинки внесут в деятельность таких коллективов понимание реальной ситуации с гражданскими правами и свободами на местах. Так или иначе, интеграция сайентизма и гражданственности будет усиливаться.

Но есть и препятствия такому сближению. Возьмем для примера РАН. Она явно нуждается если не в защите, то в поддержке со стороны гражданских организаций. Потому что ее гражданский импульс, столь мощный в конце 1980-х гг., сегодня угас. Заказ «сверху» преобладает над инициативой «снизу». РАН ослабела и усохла за счет эмиграции и старения кадров, тогда как НКО и другие гражданские объединения обрели не только политический опыт, но и профессиональные знания. Но даже для самой политически умеренной гражданской организации РАН – «чуждая материя», поскольку, с точки зрения многих ее лидеров, она сегодня не имеет четко обозначенной гражданской позиции, не занимается неотложными проблемами страны. Университетское академическое сообщество им также чуждо, поскольку в своей массе, за исключением преподавателей, ставших гражданскими активистами (Яницкий, 2004), и некоторых групп студентов-волонтеров, в своей массе такой позиции не имеют и политически индифферентны (чем Россия резко отличается как от развитых, так и от развивающихся стран). Справедливости ради надо сказать, что большинство гражданских организаций озабочены локальными проблемами и действуют на локальном уровне, в современных публичных дискуссиях о путях российской модернизации практически не участвуют и с государственной машиной в открытую конфронтацию вступают редко (хотя трудно обвинить сотрудников РАН в излишней гражданской активности). Однако, гражданские организации тоже пытаются создать анклав модернизации, только гуманитарной. Это очень важно, потому что эти анклав (за исключением искусственно созданных) воссоздают утерянную за годы реформ атмосферу *взаимопомощи* и *доверия*, они помогают вновь структурировать наше «индивидуализированное общество» снизу, без чего модернизация останется лишь научно-техническим проектом. Но у гражданских организаций есть еще одно преимущество: они имеют международную поддержку.

6. Сближения и расхождения

Итак, по многим параметрам академическое сообщество и ГО сближаются, а подчас их трудно различить. Что я имею в виду?

Прежде всего, оба они все менее озабочены морально-этической стороной общественного развития, и все более решением технико-технологических и социо-технических задач. Что особенно характерно для точных и естественных наук, за исключением пожалуй, молекулярной биологии и генной инженерии.

То же мы видим и в социологии: ее часть, занятая разработкой фундаментальных проблем быстро изменяющегося мира и стагнирующего российского общества, сжимается, кадры стареют, контактов между социологами-теоретиками разных дисциплин становится все меньше. Одновременно быстро растет не просто «прикладная социология», а ее новая инженерно-техническая отрасль, всецело ориентированная на обслуживание рынка. В этой социологии междисциплинарные контакты сведены к минимуму, потому что они могут нечаянно (или сознательно) рассекретить новейшие методики манипулирования сознанием населения для продвижения нового товара на рынок. Здесь господствует не этос науки (Р. Мертон), не авторитет научной школы или моральные принципы самоорганизующегося сообщества людей, а корпоративные нормы поведения.

Далее, оба рассматриваемых нами коллективных актора были лишены поддержки государства и поставлены в условия самообеспечения и выживания. Что еще более усилило их крен в сторону решения технических и социо-технических задач. Речь идет не о «прикладной науке», так как это предполагает наличие науки фундаментальной, коей у нас (по сравнению с мировым уровнем практически уже нет, что не означает, что ее нельзя возродить), а именно о том типе деятельности, который уже давно широко практикуется в США и других развитых странах: исследования и разработки прикладных задач (research and developments). Не случайно первые лица государства говорят о развитии НИОКР, а не фундаментальных наук или академического сообщества в целом. А рынок поддерживает спрос именно на такой вид деятельности. Технократизм власти проявляется и в другом: в очень малой доле самокритики и только по частным вопросам. Причем, чем ближе к верхушке правящей «вертикали» тем тише голоса критиков. Меня здесь интересуют не конкретные виновники тех или иных провалов (их, как правило, называет Президент или премьер РФ), а объекты этой самой критики и ее характер.

Применительно к социологии, надо признать, что прав был В. Радаев когда сказал, что если хочешь достичь значимого результата, надо все делать самому от начала и до конца (весь вопрос только в том, кому все это будет нужно при технократическом взгляде властвующей элиты на науку). Далее, перманентный дефицит ресурсов привел к тому, что оба сообщества, за исключением одного-двух элитарных вузов и филиалов международных общественных организаций, живут «короткими перебежками» (от заказа к заказу, от проекта к проекту), не имея возможности остановиться, критически осмыслить сделанное тобою или коллегами и поэтому теряя вкус к постановке фундаментальных проблем. Вообще критическая социология у нас в загоне, впрочем, это общемировой тренд (Sayer, 2010).

Кстати, о проекте. Он как современная, наиболее рациональная организационная форма деятельности несомненно способствовал выживанию обоих коллективных акторов, но одновременно положил конец принципу «научной школы», на чем более века стояла российская наука. Сегодня для одного проекта нужны одни специалисты, завтра для другой темы – другие и т.д. Проект – замкнутая ячейка, препятствующая широкому обмену знаниями и информацией. Посмотрите на современные социологические конгрессы: уже много лет они не являются площадкой для действительно широких дискуссий, а представляют собой выставку достижений отдельных исследовательских коллективов. «Презентация» довлеет и в сфере НКО, иначе не получишь следующий грант. Этот «территориальный» недостаток проекта преодолевается созданием транслокальных виртуальных малых коллективов, подчас состоящих из людей никогда не видевших друг друга.

«В применении к науке Интернет выступает одновременно как разрушитель и созидатель. По мере того, как ученые все больше используют сеть для работы, жесткие организационные структуры растворяются в сетевой анархии. Необходимость рыться в журналах отпадает, эффективность коммуникации повышается» (Водопьянова, 2000, с. 101). Сходная ситуация имеет место и в ГО, причем там она еще сильнее вследствие необходимости использования сетей как инструмента борьбы против давления государства. Вообще надо сказать, что антагонизм между академиками и неформалами первых лет перестройки сегодня практически исчез именно потому, что многие ученые ушли в гражданские организации или сами создали их, а последние все более овладевают методами научного исследования или целевым образом заказывают их независимым профессионалам.

Но между ними есть и различия. Если российская наука сформировалась и смогла в XIX веке достичь мирового уровня в условиях доиндустриального общества, а позже – общества форсированной индустриализации и тотального режима, то сегодня она не выдержала испытания нашей «рыночной экономикой». «Эпохальные достижения науки советского периода в теоретической физике и физике твердого тела, математике, оптике и квантовой электронике, атомной энергетике, космонавтике, авиастроении и военном судостроении, вирусологии также во многом были связаны с централизованно организованными «мозговыми штурмами»» (Водопьянова, 2000, с. 122). Сегодня, такой концентрации мысли и ресурсов достичь невозможно, кадровый потенциал рассеялся (эмигрировал, пошел в бизнес или занялся не свойственными этой категории людей приработками). ГО, формируясь в порых этого раннеиндустриального общества с сильным тоталитарным обертоном, сегодня в условиях рынка с трудом, но живет и развивается. Наконец, модернизацию производства знаний а с ним и академического сообщества, сегодня снова предлагается организовать и направлять *сверху*. Хорошо, что государство наконец выделит на развитие науки достаточные средства, но распределяться они будут, хотя и поименно (индивидуально), но все равно по старой системе, то есть решением «наверху» и по отдельным, заранее там же

определенным «точкам» и отраслям. Далее, почему приоритет в развитии науки дан университетам, где сегодня сосредоточен заведомо более слабый по сравнению с РАН и независимыми исследовательскими центрами потенциал. а И что тогда будет с РАН? (к сожалению, российские ученые, работающие за рубежом, фиксируют углубляющееся разделение на мировую и «русскую» науку). При таких приоритетах она умрет сама от недостатка средств и кадров.

В это же время ГО *саморазвивается* и именно как сеть, в том числе как сеть научно-общественных ячеек или многочисленных независимых исследовательских центров (в действительности они чаще всего финансируются крупным бизнесом или зарубежными фондами). Наконец, как ясно дала понять власть, «заказ» на исследования будет поступать от крупного бизнеса (малый бизнес в виду своей маломощности просто не имеет ресурсов для участия в процессе модернизации науки), а не от ячеек и организаций ГО. Иными словами, модернизация научного сообщества будет прежде всего подчинена задаче повышения конкурентоспособности бизнеса и происходить без участия гражданского общества. А это может происходить только рывками, в рамках старой парадигмы «давай-давай!», то есть методом «коротких перебежек». Ведь наш бизнес никогда не мыслил стратегически, интересами общего блага, а лишь удовлетворял свои непомерные аппетиты. Поскольку ситуация на мировом рынке нестабильна, колеблется, также будет колебаться и «заказ» на научные разработки.

Заключение

Всякая технико-технологическая модернизация должна иметь общественную цель, гуманитарную составляющую. Без этого любая модернизация останется лишь научно-техническим проектом в интересах меньшинства, как это уже было в нашей истории. У академического сообщества и гражданских организаций есть общая стратегическая цель: «сохранение территории и сбережение народа» (Н. Шмелев). А для этого необходимо, чтобы они вместе трансформировали научные знания в социально и политически мобилирующий ресурс. Оба рассматриваемые сообщества имеют тенденцию к глобализации, в основе которой лежит знание о развитии глобальных экономических процессов и геополитических и социальных сдвигах. Оба они тяготеют к трансформации в сетевые системы, объединяющие ядра научной и социальной активности. Чем согласованнее эти сообщества будут взаимодействовать, тем выше будет совокупный эффект модернизации, тем быстрее мы восстановим совокупный социальный потенциал страны. Но процессы глобализации создают для обеих общностей новые проблемы: сохранения своей идентичности и понимания общего блага в условиях прозрачности границ, международных альянсов и интернета, выработки своей позиции и инструментов контроля по отношению к государству и большому бизнесу. Для чего нужны как граждански-ориентированные ученые, так и рядовые граждане, владеющие азами правовой науки и администрирования. То есть опять же проблемы как познавательного, так и гуманитарного характера.

Но этом есть и опасность: от эксперта-гражданина, (expert-citizen), то есть профессионала, владеющего навыками публичной политики, до чиновника – всего несколько шагов. И, наоборот, – не секрет, что научные учреждения используются молодыми людьми с целью уклонения от воинской повинности. Многие из этих вопросов имеют общий знаменатель: будет ли восстановлена сфера публичной политики, и если – да, то кто выйдет на эту арену.

Что касается РАН, то, по моему мнению, ее перспективы неопределенны. Есть несколько вариантов, уже давно существующих в других странах: или она, понизив свой статус, превратится в сеть исследовательских центров, став в ряд уже существующих, или трансформируется в подобие вуза нового образца, или станет сообществом «бессмертных», скажем, клубом российских Нобелевских и иных лауреатов высокой пробы, или может исчезнуть вовсе. Перспектива эта опять же зависит от ее, Академии, научного потенциала и степени гражданской активности ее лидеров. Назначение Нобелевского лауреата акад. Жореса Алферова одним из руководителей будущей «кремниевой долины» есть сигнал в пользу того, что власть может предпочесть первый вариант.

Литература

- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию. М. 2006.
- Бауман З. 2004. Глобализация. Последствия для человека и общества. Перев. с англ. М.: Издательство «Весь Мир».
- Вернадский В.И. Публицистические статьи. Отв. ред. Волков В.П. М.: Наука. 1995.
- Водопьянова Е.В. Европа и Россия на карте мировой науки. – М.: МППА БИМПА, 2002.
- Захаров А.К. Что же нужно России: наука или министерство науки? *Известия*. 28 сентября 1991 г.
- Захаров А.К. Демократическая оппозиция в процессе создания Российской академии наук // *Рубежи*, 1995. № 1. С. 111–148.
- Кустарев А. Кем и как управляется мир // *Pro et contra*, 2007. № 6 (39), с. 6-19.
- Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006.
- Яницкий О.Н. Социология риска. М. 2003.
- Яницкий О.Н. Диалог науки и общества // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 86–96.
- Castells M. ‘Materials for an Exploratory Theory of the Network Society’ // *British Journal of Sociology* 2000, 51 (1). Jan/March: 5—24.
- Sayer A. ‘Who’s Afraid of the Critical Social Science?’ // *Current Sociology*, 2010, 57 (6): 767-786.

